

ТРУДЫ Н.Я. БИЧУРИНА О ПИСЬМЕННОСТИ МОНГОЛОВ

Лю Цяньнин

Магистрант, Шаньдунский университет

Lqn1qn1999@qq.com

N.YA. BICHURIN'S STUDY OF THE WORDS OF MONGOLS

Liu Qianning

Summary: N.Ya. Bichurin describes the beliefs and evolution of the words of the nomadic people in northern China in article "About the Ancient and Present Belief of the Mongols". In contrast to other Orientalists, N.Ya. Bichurin's study of the words is characterized by three main features: a focus on the words of the Mongolian nationality, the use of historical sources in Chinese, and a consideration of the relationship between words and religion. The research laid the foundation for the formation of Mongology in Russia, and contributed to China-Russian cultural exchange and the mutual evaluation of civilizations.

Keywords: N.Ya. Bichurin, words of the Mongols, Mongology.

Аннотация: В настоящей статье рассмотрен труд Н.Я. Бичурина «О древнем и нынешнем богослужении монголов», посвященный верованиям и эволюции письменности кочевых народов севера Китая. В отличие от работ российских и европейских востоковедов, исследование Н.Я. Бичуриным письменности монголов характеризуется тремя основными чертами: сосредоточенность на письменности монгольского народа, использование источников на китайском языке и рассмотрение отношений между письменностью и религией. Изыскания Н.Я. Бичурина заложили основу для формирования монголоведения в России, а также внесли вклад в китайско-российский культурный обмен и взаимную оценку цивилизаций.

Ключевые слова: Н.Я. Бичурин, письменность монголов, монголоведение.

Сведения об изучении Н.Я. Бичуриным письменности монголов

Книга «Записки о Монголии», будучи кульминационным трудом Н.Я. Бичурина по монголоведению, представляет собой систематический отчет о монгольской политике, истории, географии, экономике, обществе, религии, письменности и т.д. За последние два столетия эта работа была всесторонне исследована российскими синологами, монголоведами, востоковедами и китайскими учеными, однако основное внимание специалистов было сосредоточено на изложении социально-исторических и природных условий Монголии, взглядов Н.Я. Бичурина на происхождение монголов и китайско-монгольских отношений. При этом вопросам письменности уделено недостаточно внимания.

Как раздел второго тома «Записок о Монголии» статья «О древнем и нынешнем богослужении монголов», опубликованная в «Московском вестнике» в 1828 г., посвящена эволюции верований и письменности монголов с II в. до н.э. до первой половины XIX в. Несмотря на богатство исторического материала, логику статьи и ясность взглядов, данная статья еще не получила достаточного внимания как в Китае, так и в России. Поэтому исследование Н.Я. Бичурина о письменности монголов долгое время оставалось молчаливым.

Прежде чем обсуждать труд Н.Я. Бичурина о письменности монголов, необходимо уточнить, какую письменность изучал ученый. Этот кажущийся противоречивым вопрос на самом деле связан со взглядами Н.Я. Бичурина на происхождение монголов. В представлении востоковеда Монголия отличается от Китая: по мнению Н.Я. Би-

чурина монголы берут свое начало с 2 500 г. до н.э. В его исследовании все северные кочевники, в том числе гунны, хойхорцы, кидани и т.д., рассматриваются как предки монголов. В статье «Кто таковы были монголы», опубликованной в «Москвитянине» в 1850 г., ученый подтвердил эту точку зрения. «Китайская статистика, И-тхун-чжи показывает восемь единоплеменных владетельных Домов, от которых Монголы в продолжение двенадцати столетий получали народные названия, последовательно одно за другим. Сии Дома были: Хунну, Ухуань, Сяньби, Жужань, Дулга, Ой-хор, Сеяньто, Кидань» [1, с. 87]. Таким образом, «монголы», по представлению Н.Я. Бичурина, не единственный кочевой народ, который во главе с Чингисханом в XIII в. построил огромную империю, а это все кочевники севера Китая. Под влиянием такого взгляда на этническое происхождение монголов предметом изучения для Н.Я. Бичурина стала письменность не только монгольского народа, представленного Чингисханом, но и всех кочевых народов севера Китая.

Однако понятие «письменность монголов» в трактовке Н.Я. Бичурина отличается от общепринятого представления в Китае, где этот термин обычно используется для обозначения письменности монгольского народа, который появился в XIII в. и создал огромную империю, или письменности современного государства Монголия, находящегося между Китаем и Россией. В связи с этим разумно и необходимо разделить этот термин на широкий и узкий смысл: письменность всех кочевых народов севера Китая, от гуннов до нунчжэни, согласно взглядам Н.Я. Бичурина, является «письменностью монголов» в широком смысле, а письменность народа во главе с Чингисханом считается «письменностью монголов» в узком смысле. Поскольку изучение письменности вре-

мен Чингисхана занимает важное место в исследовании Н.Я. Бичурина, необходимо провести различие между «письменностью монголов» в широком и узком смысле. В данной работе для выделения мы будем называть письменность народа во главе с Чингисханом «письменностью монгольского народа»

Особенности исследования Н.Я. Бичурина

Монголоведение началось в России и Европе задолго до Н.Я. Бичурина. Несмотря на то, что Н.Я. Бичурин не был первым человеком, изучающим монголоведение в России, его исследования существенно отличаются от работ других монголоведов. По мнению ученого из Китая Бао И, «Монголоведение в России было обусловлено экономическими, политическими и дипломатическими интересами Российской Империи» [2, с. 84]. Поэтому монголоведение в России было сосредоточено на географии, истории и политике, которые были крайне необходимы для разработки внешней политики. Исследования письменности монголов в России были посвящены использованию монгольского языка, а не развитию и эволюции. По словам китайского ученого Ли Вэйли, в 1790 г. в Иркутске уже преподавался монгольский язык [3, с. 44].

В отличие от предыдущих публикаций по монголоведению в России, исследование Н.Я. Бичурина, посвященное монгольской письменности, не идеологизировано и сосредоточено не на применении языка и письменности. В статье Н.Я. Бичурина «О древнем и нынешнем богослужении монголов» можно выделить следующие характерные черты исследователя: сосредоточенность на письменности монгольского народа, использование исторических источников на китайском языке и рассмотрение отношений между письменностью и религией.

С точки зрения предмета исследования изучение Н.Я. Бичуриным монгольской письменности тесно связано с его взглядом на происхождение монголов: в исследовании рассматриваются письменности всех кочевых народов севера Китая, но центром его изысканий все же является «письменность монгольского народа». Н.Я. Бичурин утверждает, что истоками письменности монголов являются письменности кидани и нюйчжэни. А маньчжурская письменность была исключена из категории письменности монголов. Таким образом, по мнению Н. Я. Бичурина, письменность других кочевых народов либо служила письменности монгольского народа, либо произошла от неё.

Интересно, что письменность нюйчжэни в династии Цзинь (1115–1234) и в династии Цин (1636–1912), другими словами, маньчжурская письменность, имели разные судьбы: по мнению Н. Я. Бичурина, письменность нюйчжэни в династии Цзинь принадлежала предкам монголов, а маньчжурская письменность считается новой

письменностью, производной от письменности монголов. В статье написано: «Нючжисцы, испровергшие Киданьское Государство, также изобрели в 1119 году письмо, которое, по собственному их признанию, составлено было из Киданьских букв с небольшими переменами» [4, с. 361]; «При настоящей династии Цин, с того времени, как Монголы вступили в Китайское подданство, все общественные дела их производятся на Маньчжурском и Монгольском языках» [4, с. 365].

В представлении Н.Я. Бичурина о монголах маньчжурская письменность, используемая нюйчжэнами и правителями династии Цин, должна быть частью письменности монголов. Но маньчжурская письменность была исключена из этой категории. Поэтому мы пришли к выводу, что в исследовании Н.Я. Бичурина Монголия определяется по-разному в этнической принадлежности и письменности – категория «этническая принадлежность монголов» намного шире, чем категория «письменность монголов». Таким образом, ядром изучения Н.Я. Бичуриным письменности монголов является письменность монгольского народа. Письменности кидани и нюйчжэни рассматривались как предпосылки письменности монгольского народа и служили ей. В свою очередь маньчжурская письменность представляет собой «новую письменность», преобразованную из письменности монгольского народа, но и сопоставляемую с ней.

В статье не указано основание для сопоставления письменности маньчжурии и монголов. Автор считает, что причина заключается в сложных отношениях между этими двумя письменностями и их статусе в династии Цин. Первоначально маньчжурский язык был записан письменностью монгольского народа. Позже она была реформирована и появилась новая письменность – маньчжурская. Профессор Хасбатер Хэйлуңцзянского университета отметил, что улучшение маньчжурской письменности отразилось как в совершенствовании алфавита, так и в правилах письма [5, с. 130]. Значительные отличия между двумя письменностями в алфавите и правилах письма заставили Н.Я. Бичурина обратить на них внимание. Позиция письменности монгольского народа была под угрозой маньчжурской. С установлением господства маньчжуров в Китае наблюдаются сильный подъем маньчжурской культуры и упадок монгольской культуры. Письменность монгольского народа была низведена до местного культурного символа.

С точки зрения методологии исследования, изучение письменности монголов Н.Я. Бичуриным проведено чтением исторических источников на китайском языке. Понимая китайский язык, Н.Я. Бичурин был способен читать и понимать исторические материалы о письменности монголов, написанных на китайском языке. Н.П. Шастина отметила, что для своих работ Н.Я. Бичурин собрал китайские источники и перевел их на русский язык,

которые и до настоящего времени не утратили своего значения [6, с. 73].

В своей работе Н.Я. Бичурин привел цитаты из таких исторических источников на китайском языке, как «Цань-хань-шу» («История старшего дома Хань», 《前汉书》) и «Юань ши» («История Юаня», 《元史》), чтобы аргументировать свою точку зрения о монгольских религиозных верованиях и письменности. Ниже приводится комментарий Хубилая о нынешнем состоянии и проблемах письменности монгольского народа, переведенный и процитированный Н.Я. Бичуриным из «Юань ши»: «Наш дом восприял начало в северных странах, и для объяснения отечественных слов употреблял письмо Китайское и уйгурское. Обращая взор на Ляо (Кидань) и Гинь, видим, что оба сии дома имели собственные буквы. Словесность вашего языка мало по малу образовалась; но мы до сего времени еще не имели собственных букв» [4, с. 362]. Оригинальный текст в «Юань ши»: «我国家肇基朔方, 俗尚简古, 未遑制作, 凡施用文字, 因用汉楷及畏吾字, 以达本朝之言。考诸辽、金, 以及遐方诸国, 例各有字, 今文治兴, 而字书有阙, 于一代制度, 实为未备» [7, с. 4522].

При изучении истории и культуры какого-либо народа необходимо непосредственно читать исторические источники самого народа. Следуя этому правилу, Н. Я. Бичурин использовал исторические источники на китайском языке для своих прочих китаеведческих исследований, однако при изучении письменности монголов ученый все же выбрал исторические источники на китайском языке. Причина заключается не в том, что Н.Я. Бичурину не хватало грамотности, а в том, что у него не было другого выбора в связи с отсутствием источников на монгольском языке. Он начинает том 3 «Записок о Монголии» с объяснения отсутствия исторических источников на монгольском языке и необходимости их изучения на китайском языке: «Но, существуя более сорока веков, как особый народ, и притом в неизменяемом образе пастушеской жизни, монголы в древних временах оставались бы неизвестными для нас, если бы не имели в соседстве Китая. Сия держава кратко заметила в своей истории некоторые события их, имевшие связь с собственными ей происшествiями» [8, с. 2].

Более того, именно прямое изучение исторических источников на китайском языке значительно уменьшило влияние западной идеологии на научную работу Н.Я. Бичурина. Китайский ученый Цзян Лэй отметил, что до XIX в. культурные обмены между Китаем и Россией оказывались недостаточными, в связи с этим впечатление о Китае в русской литературе складывалось под влиянием Европы [9, с. 169]. Прожив долгое время в Китае, Н.Я. Бичурин владел китайским языком и понимал китайскую культуру, поэтому он был способен опираться на свой личный опыт в Китае и избегать дискриминации, пред-

рассудков и цивилизационного превосходства при изучении, что делает его исследования письменности монголов относительно объективными.

В своей работе Н.Я. Бичурин фокусируется на наблюдении за взаимодействием письменности и религии, чтобы рассмотреть динамические отношения между ними и исследовать влияние религиозных верований на письменность монголов в течение тысячелетия. В самом названии статьи «О древнем и нынешнем богослужении монголов» обнаруживается мнение Н.Я. Бичурина. Статья начинается с истории эволюции богослужения монголов: сначала их верования заключались в шаманизме, распространение буддизма началось в IV в., и только в XIII в. буддизм был принят повсеместно.

В статье не только указан факт изображения «новой письменности» тибетским ламой Поксбой, но и аргументировано происхождение письменности монголов через религиозные различия. Ниже приведен аргумент Н.Я. Бичурина в пользу происхождения письменности монгольского народа от киданьской: «Невозможно, чтоб потомки Киданьского дома, удалившись в Тарбагтай, не могли сохранить прежнего своего письма; самые уйгуры, которых письмо употреблял в начале дом Чингисов, были Тарбагтайские Монголы, утвердившиеся в восточном Туркистане, где потомки их, оставшиеся к Турпане, не смотря на то, что говорят Турецким языком и исповедуют Магометанскую веру, и теперь употребляют древнее уйгурское письмо, которое сходствует с нынешним Монгольским» [4, с. 365]. По мнению Н.Я. Бичурина, в связи с отличием от верований и письменности в других традиционных исламских регионах разумно предположить, что киданьская письменность является предпосылкой письменности монголов.

Таким образом, в центре внимания исследований Н.Я. Бичурина о взаимосвязи письменности и религии монголов находятся как влияние буддизма на возникновение и эволюцию письменности монголов, так и аргументация своих собственных взглядов с точки зрения религии. Несмотря на то, что в своих исследованиях Н.Я. Бичурин уделяет пристальное внимание влиянию религии на письменность монголов, необходимо уточнить, что религия не была единственной причиной изображения и развития письменности, политика также играла существенную роль. Профессор Цинхайского национального университета Цзя Сиру отмечает: «Именно взаимозависимость и взаимопроникновение политики и религии дает почву и условия для создания этой новой письменности» [10, с. 57].

Научная ценность исследований Н.Я. Бичурина

Сведения о письменности монголов, приведенные в статье «О древнем и нынешнем богослужении монго-

лов» Н.Я. Бичурина, являются логичными и информативными и могут быть квалифицированы как сокращенная история эволюции письменности кочевых народов севера Китая. Несмотря на то, что взгляды китайцев и Н.Я. Бичурина на объем понятия «монгол» расходятся, с точки зрения современной китайской историографии выводы Н.Я. Бичурина об эволюции письменности кочевых народов севера Китая полностью соответствуют историческим фактам.

Труды Н.Я. Бичурина, посвященные изучению письменности монголов, стали беспрецедентным и новаторским примером в монголоведении России и сыграли ключевую роль в его формировании и развитии. Хотя Н.Я. Бичурин не был первым монголоведом, он стал одним из первых русских ученых, изучавших письменность монголов. Статья «О древнем и нынешнем богослужении монголов» в значительной степени обогатила монголоведение России в области исследования культуры и заполнила пробел в изучении письменности монголов в академической сфере того времени, когда ученые в основном были сосредоточены на географии, истории и политике Монголии. После Н.Я. Бичурина изучение письменности монголов в России получило огромное развитие, ряды синологов и монголоведов провели обширные исследования. Так, в 1833 г. О.М. Ковалевский основал первую в России кафедру преподавания мон-

гольского языка в Казанском университете, через 2 года была опубликована его работа «Краткая грамматика монгольского книжного». Более того, в 1849 г. вышла в свет книга А.А. Бобровникова «Монгольско-калмыцкая грамматика».

Несмотря на значительный вклад Н.Я. Бичурина в монголоведение в России, существуют некоторые пробелы с точки зрения современной науки. Из-за ограниченности пространства исследование Н.Я. Бичурина оказывается не исчерпывающим, поскольку не раскрыты некоторые важные вопросы: причины отмены письменности, избретенной Поксбой, развитие письменности монголов в династии Мин, а также состояние письменности монголов и маньчжурской письменности в династии Цин. Однако, учитывая трудность доступа к историческим источникам во времена Н.Я. Бичурина и его российское гражданство, нужно признать, что его исследование, посвященное изучению письменности монголов, все же заслуживает похвалы за научную ценность как самостоятельный исторический источник на русском языке, а также вклад в российское монголоведение. Кроме того, наследие Н.Я. Бичурина по монгольской письменности обогатило существующие в России знания о кочевых народах севера Китая и способствовало культурному обмену и взаимной оценке цивилизаций между Китаем и Россией в более широком масштабе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бичурин Н.Я. Кто таковы были монголы // Москвитянин. 1850, № 24. С. 85-92.
2. 宝昇. 19世纪俄国的蒙古学研究及其学术特色[J]. 西伯利亚研究, 2022(02): 79-92.
3. 李伟丽. 俄国汉学家比丘林与他的蒙古研究[J]. 内蒙古社会科学(汉文版), 2005(05): 41-45.
4. Бичурин Н.Я. О древнем и нынешнем богослужении монголов // Московский Вестник. 1828, № 16. С. 353-366.
5. 哈斯巴特尔, 田鹏. 满文字母改进述要[J]. 中央民族大学学报(哲学社会科学版), 2018(04): 128-132.
6. Шастина Н.П. Значения трудов Н.Я. Бичурина для русского монголоведения: Очерки по истории русского востоковедения: сб. науч. тр. / Ин-т востоковедения. акад. наук СССР; под ред. В.И. Авдиев и Н.П. Шастина. М.: Издательство Академии наук СССР, 1956. 512с.
7. 宋濂等. 元史(卷202)[M], 北京: 中华书局, 1976.
8. Бичурин Н.Я. Записки о Монголии, сочиненные монахом Иакинфом. СПб.: Типография Карла Крайя, 1828, 341с.
9. 姜磊. 《萨哈林旅行记》与契诃夫的远东印象[J]. 外国文学研究, 2020(02): 160-171.
10. 贾晞儒. 蒙古文字与蒙古族历史[J]. 西北民族研究, 2003(02): 49-57.

© Лю Цяньнин (Lqn1999@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»